

А. Ерохин

*«Русский след»
в литературе немецкого анархизма:
Михаил Бакунин и Лев Толстой*

Анархизм в силу своей принципиальной либертарианской несистематичности не выработал собственной аутентичной эстетики. В частности, в Германии литературный анархизм с точки зрения поэтики располагается на границах между различными литературно-художественными течениями XIX и XX веков — политической предмартовской лирикой (Гейне, Гервег, Фрейлиграт и др.), натурализмом, импрессионизмом, неоромантизмом и экспрессионизмом. В художественных текстах, принадлежащих авторам, более или менее открыто провозгласившим близость к анархизму, социально-политическая «программатика», как правило, редко уживается с поэтикой. Там, где литературный анархизм наиболее последователен и «аутентичен», он становится либо публицистикой, либо утопией. Там же, где он стремится к художественности, он обнаруживает зависимость от эстетических вкусов эпохи. Анархизм в литературе, таким образом, вторичен и эклектичен, поскольку сознательно подчиняет эстетику идеологии. Литературная поэтика рассматривается анархистами скорее как набор готовых «инструментов» — мотивов и приемов, призванных служить идеологическим задачам. В тех нечастых случаях, когда писателям, причисляющим себя к анархистам, удаются эстетические новации, это происходит в большей степени независимо от их идеологических убеждений.

Среди немецких писателей «сознательных» анархистов немного. Анархизм, вероятно, был одним из элементов, из которых складывалась общая картина эпохи. Таковым, например, он предстает в романах близкой к натурализму Леонии Мейерхоф (псевдоним Leonie Hildeck) «Огненный столп» (1895) [8, S. 35], Артура Холичера «Белая любовь» (1896), сотрудничавшего с натуралистами и позднее экспрессионистами, декадентов Станислава Пшибышевского «Дети Сатаны» (1897) и Курта Мартенса «Роман из эпохи декаданса» (1898). В конце 90-х годов XIX века о своей приверженности к этой идеологии заявляет Оскар Паницца, получивший известность как ожесточенный критик кайзеровской Германии.

© Ерохин А., 2014

В этот ряд вписывается роман в письмах представительницы неоромантизма Рикарды Хух «Последнее лето» (1910), в котором речь идет о русских анархистах и их террористической деятельности. Симпатию к анархизму испытывали и многие экспрессионисты — Эрнст Толлер, Людвиг Рубинер, молодой Альфред Дёблин (роман «Горы, моря и гиганты», 1924), а также дадаист Хуго Балль.

Особое место в литературе немецкого анархизма занимает русская тема. Внимание к русской проблематике обусловлено прежде всего выдающейся ролью Михаила Бакунина и Петра Кропоткина как основателей наряду с Жозефом Прудоном современного учения анархизма. Кроме того, интерес к России подогревался десятилетиями террористической деятельностью народников, эсеров и анархистов, создавших вместе с романами Достоевского представление о русских как о самом радикальном и антибуржуазном народе. Как писал немецкий анархист Макс Неттлау в эссе «Россия и социализм» (1930): «Мы все выросли со штормами революционных событий в России. Все пережили третье наводнение, смывшее царизм, многие — вторую волну 1905 года, которая его подкапывала, и самые старшие — героический штурм 1881 года, когда, как минимум, верхушка русского здания власти, царь, был достигнут судьбой 13 марта 1881 года. Я все еще вспоминаю утро следующего дня, когда мой отец разбудил меня со словами: «Ты еще спишь, — царя убили», и я, пулей вылетев из кровати, стал танцевать в чистой радости» [14, S. 121].

Фигуры ведущих русских анархистов Михаила Бакунина и Петра Кропоткина были хорошо знакомы в Германии. В первую очередь это касается Бакунина, получившего известность благодаря идеологической борьбе с Марксом, закончившейся исключением бакунинской анархистской фракции из Первого интернационала в 1872 году, а также отдельным немецким переводам и биографии, написанной Неттлау на рубеже XIX и XX веков [15].

Через «искушение» Бакуниным прошли многие видные литераторы и мыслители Германии первой половины XX века, либо близкие к анархизму по своему мировоззрению, либо видевшие в анархистах своих политических и эстетических оппонентов. Анархизм в его бакунинском «изводе» повлиял на немецкий литературный авангард в случае Хуго Балля, который осенью 1914 — летом 1915 года, еще до вхождения в группу цюрихских дадаистов, внимательно читает анархистов — Прудона, Бакунина, Кропоткина [4, S. 35]. Как пишет В. Д. Седельник, в Бакунине «Балля притягивал не только неукротимый бунтарский дух, революционаризм, но и свойственное его натуре игровое начало, склонность к авантюрным, скандальным поступкам...» [2, с. 30].

«Теоретический анархизм» Балля обусловлен его неприятием Первой мировой войны, критикой современного государства, а также стремлени-

ем соединить идею свободы с надеждами на новое религиозное возрождение [17, S. 86]. Для него анархизм — это «идеал для катакомб или для монашеских орденов» [6, S. 32], в котором он также видит способ разоблачить «формалистически замаскированное вырождение нашего времени» [6, S. 31]. В этом смысле занятия анархизмом подготавливают участие Балля в деятельности дадаистов, а затем его обращение в католицизм.

В 1915 году в написанной в Цюрихе небольшой статье «Молодая литература в Германии» Балль причисляет к по-настоящему «ответственным» философам последних пятидесяти лет только Бакунина и Ницше [5, S. 32], прибавляя, что в делах политического разума немцам, собирающимся писать «радикальные книги», следует учиться не у «декадентской» Франции, а у России, начиная с декабристов [5, S. 32]. Балль напоминает об антигерманском памфлете Бакунина «Кнуто-Германская империя и социальная революция» (1871), настоятельно рекомендуемом им к переводу на немецкий язык [5, S. 32]. Достижение необходимого для Германии сближения пролетариата и интеллигенции оказывается для Балля возможным посредством русского анархизма в лице Бакунина [5, S. 35].

В дневнике Балля «Бегство из времени», изданном в 1927 году, в записях осени 1914 — лета 1915 года часты упоминания Бакунина и других русских авторов — Чаадаева, Достоевского, Вл. Соловьева, Розанова. Балль делает выписку из книги Д. Мережковского «Царь и революция», в которой утверждается о еретическом характере русской литературы — русские писатели видят в Новом Завете революционную книгу: «Христа они воспринимают как нигилиста. Как сын, как мятежник, он обязан выдвигать антитезы...» [2, с. 400, 401].

Новая волна интереса к Бакунину поднимается в Германии после окончания Первой мировой войны и революции в России и Германии. В свет выходят новые немецкие переводы Бакунина, а также книги Рикарды Хух «Михаил Бакунин и анархия» (1923) и Хуго Балля «К критике немецкой интеллигенции» (1919); в своем памфлете Балль снова обрушивается на немцев как на «нацию верноподданных», противопоставляя авторитарному духу Лютера, Канта, Гегеля, Маркса и Бисмарка вождя крестьянского восстания XVI века Томаса Мюнцера, католического философа и публициста XIX века Франца фон Баадера и русского анархиста Михаила Бакунина.

Как и Балль, исключительно бунтарями и еретиками видит русских в книге «Томас Мюнцер как теолог революции» (1921) известный немецкий философ левого направления Эрнст Блох, достаточно близко стоявший к анархизму. Вслед за Баллем Блох сопоставляет героя своей книги с русскими революционерами, обнаруживая в нем носителя революционной хилястической энергии, объединяющую радикальную Реформацию, «русскую идею» и немецкий анархизм [7, S. 136, 137]. При

этом, по мнению Блоха, Мюнцер предвосхитил грядущий тип русского человека, самый душевный из всех возможных [7, S. 151]. Что же касается Русской православной церкви, то она, согласно Блоху, есть превратившееся в ортодоксию сектантство, узаконенный, воцерковленный раскол. Только в русском православии сохранились «дух мистико-аскетической аполитичности» и «харизматический энтузиазм» [7, S. 239]; так Блох пытается соединить анархистское революционное сектантство и русскую православную ортодоксию, выдаваемую им за крайнее проявление религиозной ереси.

В то же время к наследию Бакунина обращается один из видных немецких анархистов Эрих Мюзам. Под влиянием русской революции 1917 года Мюзам отходит от своих прежних кумиров Макса Штирнера и Льва Толстого — и провозглашает ориентацию на русский большевизм, который в его сознании на первых порах связывается с анархизмом. Находясь в тюремном заключении после разгрома республики Советов в Баварии, Мюзам записывает в своем дневнике: «Я убежден, что из тьмы “литературного анархизма” меня освободил лишь новый свет с Востока. Я заявил перед судом, что большевизм наводит мосты между Марксом и Бакуниным» (запись от 14.07.1919) [13, S. 203]. Мюзам записывает 19 сентября 1919 года: «Толстой преодолен — я знаю и хочу только Бакунина» [13, S. 215]. В Бакунине Мюзам видит родоначальника идеи Советов и русской «анархической» революции. Ленина он считает последователем не Маркса, но Бакунина.

В художественных текстах Мюзам русская тема располагается скорее на периферии. Здесь стоит отметить «рабочую пьесу» «Иуда», написанную Мюзамом в тюремном заключении в 1920 году.

Историческую основу пьесы составляет забастовочное движение в январе 1918 года, начавшееся в Берлине и распространившееся затем по всей Германии, включая Мюнхен. Действие пьесы разыгрывается с 28 по 30 января «в одном из городов Германии» [12, S. 420]. В содержательном плане основу действия составляет идея предательства во имя высокой революционной цели. Фанатик революции, типографский наборщик Рафаэль Шенк мечтает превратить забастовку рабочих в вооруженное восстание и поставить во главе мятежников своего духовного учителя, интеллектуала и толстовца Матиаса Зеебальда. Однако Зеебальд, в котором угадываются черты крупнейшего теоретика немецкого анархизма Густава Ландауэра, противится этому плану, поскольку его идеалы запрещают призывать к насилию. Тогда Шенк заключает тайное соглашение с полицией, которая должна арестовать Зеебальда, что, по мысли Шенка, спровоцирует рабочих на восстание. Но его замысел рушится, несмотря на арест Зеебальда и последующий

вооруженный разгон забастовщиков, большинство рабочих не готово к решительным действиям. Отчаявшийся иуда Шенк убивает себя.

В «Иуде» сплетены разные мотивы — хорошо известный в литературе того времени мотив измены и «двойной игры» (см. «Петербург» Андрея Белого, а также «Человек, который был Четвергом» Честертона и «Ким» Кипплинга) разрабатывается на фоне проблематики войны, революции и религии. Большое значение в пьесе имеет русская тема — не только в образе толстовца Зеебальда-Ландауэра, но и его ближайшего друга Федора Владимировича Лехарева, который с его опытом старого революционера, участника русской революции 1905 года является высшим моральным авторитетом для персонажей пьесы, в том числе Зеебальда.

Радикальная идея «подталкивания» масс к насильственным действиям с помощью провокации находит сочувствие у автора: его Шенк сознательно жертвует своей честью и совестью революционера ради высшей цели — революции, подменившей в пьесе религиозную веру. Новозаветные аналогии призваны подчеркнуть сходство в положении христианских апостолов вокруг Христа и социалистических революционеров начала XX века: и в том и в ином случае речь идет о жертве, необходимой для укрепления новой религии.

Парадоксальным образом интерес к анархизму с левыми интеллектуалами в начале 1920-х разделяет один из крупнейших представителей «консервативной революции» в Германии Карл Шмитт. В это же время, решающее для становления его мировоззрения, Шмитт общается с такими «неакадемичными» авторами, как Теодор Дойблер, Франц Блей, Хуго Балль [16, S. 177, 178]. Возможно, не без влияния последнего Шмитт в это время внимательно и критически читает Бакунина, который стал для него воплощением принципа «мирского», имманентного искупления и освобождения и тем самым подвел к написанию одного из важнейших трудов, «Политической теологии» [16, S. 178].

Наряду с Бакуниным большое значение для литературы немецкого анархизма имел Лев Толстой с его симпатиями к «христианскому анархизму». Пожалуй, главным «толстовцем» среди немецких литераторов-анархистов можно считать Густава Ландауэра. Переклички с работами и идеями Толстого встречаются во многих текстах Ландауэра как публицистических, так и художественных. Толстой появляется уже в раннем романе Ландауэра «Проповедник смерти» (1893), повествующем об «обращении» в анархистскую веру обыкновенного судебного чиновника Карла Штаркблома.

Название романа отражает общее для немецкой молодежи того времени увлечение Ницше — «О проповедниках смерти» — так называется одна из глав в книге «Так говорил Заратустра» [1, с. 32, 33]. Влияние Ницше, бесспорно, определяющее как в идейном, так и в языковом отношении: кри-

тика буржуазной посредственности в романе Ландауэра, как и в «Заратустре», облечена в форму иронически-провокационного диалога с «обывательской» аудиторией, к которой причислены и «партийные» социалисты.

Но воздействием Ницше дело не ограничивается. Уже позднее (в срок два года) обращение Штаркблома, его «тривиальная» предыстория заставляют вспомнить о русской литературе, прежде всего о Льве Толстом, одном из важнейших учителей Ландауэра. Столкновение Штаркблома с феноменом смерти вызывает в памяти «Смерть Ивана Ильича» Толстого и иные его произведения. Так, в тексте «Проповедника смерти» содержится и прямое упоминание Толстого — в связи с призывом русского писателя к ручному физическому труду, ставшим одним из основных принципов анархической утопии Ландауэра [10, S. 27].

Русские, толстовские мотивы в «Проповеднике смерти» также близки религиозной проблематике романа. Несмотря на провокационный антирелигиозный пафос Штаркблома, его духовный путь в чем-то напоминает путь ветхозаветных пророков и христианских апостолов. Ландауэр показывает, как постепенно внутри его героя рождается и крепнет некая новая сила — сила пророческого слова, которое у Штаркблома в итоге становится агитационным. Эта сила иррациональна, она не имеет ничего общего с сознательным интеллектуальным усилием. Напротив, решение «начать говорить» приходит к Штаркблому внезапно — во время катания на коньках (снова отсылка к Толстому — Ландауэр вполне мог знать о толстовском увлечении коньками). Штаркблом задумывается о фигуре Христа, катающегося на коньках. Этот образ предстает в апокалиптической перспективе ломающегося льда и пробуждает в герое пророческое красноречие [10, S. 30].

Толстовские мотивы продолжают и в публицистике Ландауэра. В некрологе «Лев Николаевич Толстой» (1910) и рецензии на издание дневников Толстого «О дневнике Толстого» (1918) Ландауэр открывает в великом русском писателе черты своего «анархического социализма». Подчеркивается простота, трезвость и «разумность» взглядов Толстого, этого «повернувшего вспять» Фауста [11, S. 99]. Толстой, преодолевший, по Ландауэру, разрыв интеллекта и жизни, общественного и частного, благодаря своей целостной натуре принципиально чужд истории и любым формам современной организованной партийной политики [11, S. 100, 101].

В знаменитом «Призыве к социализму» (1911) дается своеобразное неоромантическое определение народа, навеянное толстовскими идеями. Народ у Ландауэра не имеет никакого отношения к нации или государству: речь идет о внутренних, интимных межчеловеческих отношениях, которые фактически уже существуют, но еще не стали объединением и союзом, высшим организмом. Иными словами: «Где дух, там и народ» [9, S. 59]. При этом Ландауэр принципиально протестует против любых на-

сильственных методов свержения государственной власти. Государство для него есть определенное взаимодействие между людьми, его можно разрушить лишь введением иных способов межчеловеческих связей. Ландауэр не углубляется в вопрос о нужности или ненужности государства; для него гораздо важнее найти и описать новые, внесударственные формы человеческого общежития.

Ответы на свои вопросы Ландауэр видит в идее «общинного социализма», возникающего на основе независимых союзов и соглашений. Под «общиной» Ландауэр понимает первичный дух общности и взаимовыручки, который он, под влиянием русских авторов от Герцена до Толстого и анархистов, обнаруживает в патриархальной деревне, в физическом сельскохозяйственном и ремесленном труде. «Земля и дух — вот лозунг социализма» [9, S. 174]. И дальше: «Борьба, которую ведет социализм, есть борьба за землю; социальный вопрос — это аграрный вопрос» [9, S. 175].

Во многом благодаря Толстому Ландауэр от своего раннего индивидуализма приходит к идее социальной, «всечеловеческой» общности. Его Толстой, Гёте, Гёльдерлин — великие художники и великие индивидуалисты, направившие свою мысль на «социальный вопрос», — изображены Ландауэром в педагогической, воспитательной перспективе, как назидательный пример для соотечественников.

В завершение заметим, что без учета анархистских импульсов картина немецкой литературы XX века останется принципиально неполной. «Немецкое Возрождение», о котором любили рассуждать публицисты, литераторы и ученые того времени, включало в себя и такую «нигилистическую секту», как анархизм, обратившийся за истиной к «свету с Востока», к учениям таких «еретиков», как Толстой и Бакунин. Анархизм с его разрушительным, антигосударственным и анти-теологическим пафосом стал для немецких мыслителей и литераторов XX века не только идеологическим или мировоззренческим, но и во многом эстетическим вызовом. От теории прямого действия анархисты и задумывавшиеся об анархизме авторы прокладывают путь к эстетике прямого действия, в начале XX века защищавшей права «непосредственной конкретной жизни». Как писал уже цитированный нами Карл Шмитт, противостояние конкретной индивидуальности и «любого рода систематического единства» на рубеже XIX и XX веков было впервые осмыслено в философии жизни Анри Бергсона и под влиянием анархизма Прудона и Бакунина перенесено на проблемы социальной жизни [3, с. 238, 239]. Анархизм возрождает эстетическое отношение к политическому и социальному через риторику насилия, героизма и непосредственного решения. В этом — великий вызов и соблазн анархической мысли для эстетики XX и XXI веков.

Список литературы

1. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
2. Седельник В. Д. Дадаизм и дадаисты. М., 2010.
3. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.
4. Ball H. Briefe 1911—1927 / hrsg. von A. Schütt-Hennings. Zürich ; Köln, 1957.
5. Ball H. Der Künstler und die Zeitkrankheit. Ausgewählte Schriften. Frankfurt a/M, 1984.
6. Ball H. Die Flucht aus der Zeit. Aufl. 2. München, 1931.
7. Bloch E. Thomas Münzer als Theologe der Revolution. München, 1921.
8. Fähnders W. Anarchismus und Literatur. Ein vergessenes Kapitel deutscher Literaturgeschichte zwischen 1890 und 1910. Stuttgart, 1987.
9. Landauer G. Aufruf zum Sozialismus. Aufl. 6. Münster ; Wetzlar, 1978.
10. Landauer G. Der Todesprediger. Aufl. 3. Köln, 1923.
11. Landauer G. Der werdende Mensch. Aufsätze zur Literatur. Leipzig ; Weimar, 1980.
12. Mühsam E. Ausgewählte Werke / hrsg. von Chr. Hirte. Berlin, 1978. Bd. 1.
13. Mühsam E. Tagebücher 1910—1924 / hrsg. von Chris Hirte. Aufl. 2. München, 1995.
14. Nettlau M. Gesammelte Aufsätze. Hannover, 1980. Bd. 1.
15. Nettlau M. Michael Bakunin. Eine biographische Skizze. Berlin, 1901.
16. Nienhaus S. Politische Theologie und intellektuelle Toleranz. Freundschaften Carl Schmitts vor 1933 // Völkische Bewegung — Konservative Revolution — Nationalsozialismus. Aspekte einer politischen Kultur / hrsg. von W. Schmitz, C. Vollnhals. Dresden, 2005.
17. Steinbrenner M. «Flucht aus der Zeit?» : Anarchismus, Kulturkritik und christliche Mystik Hugo Balls Konversionen. Frankfurt a/M ; N. Y., 1985.

